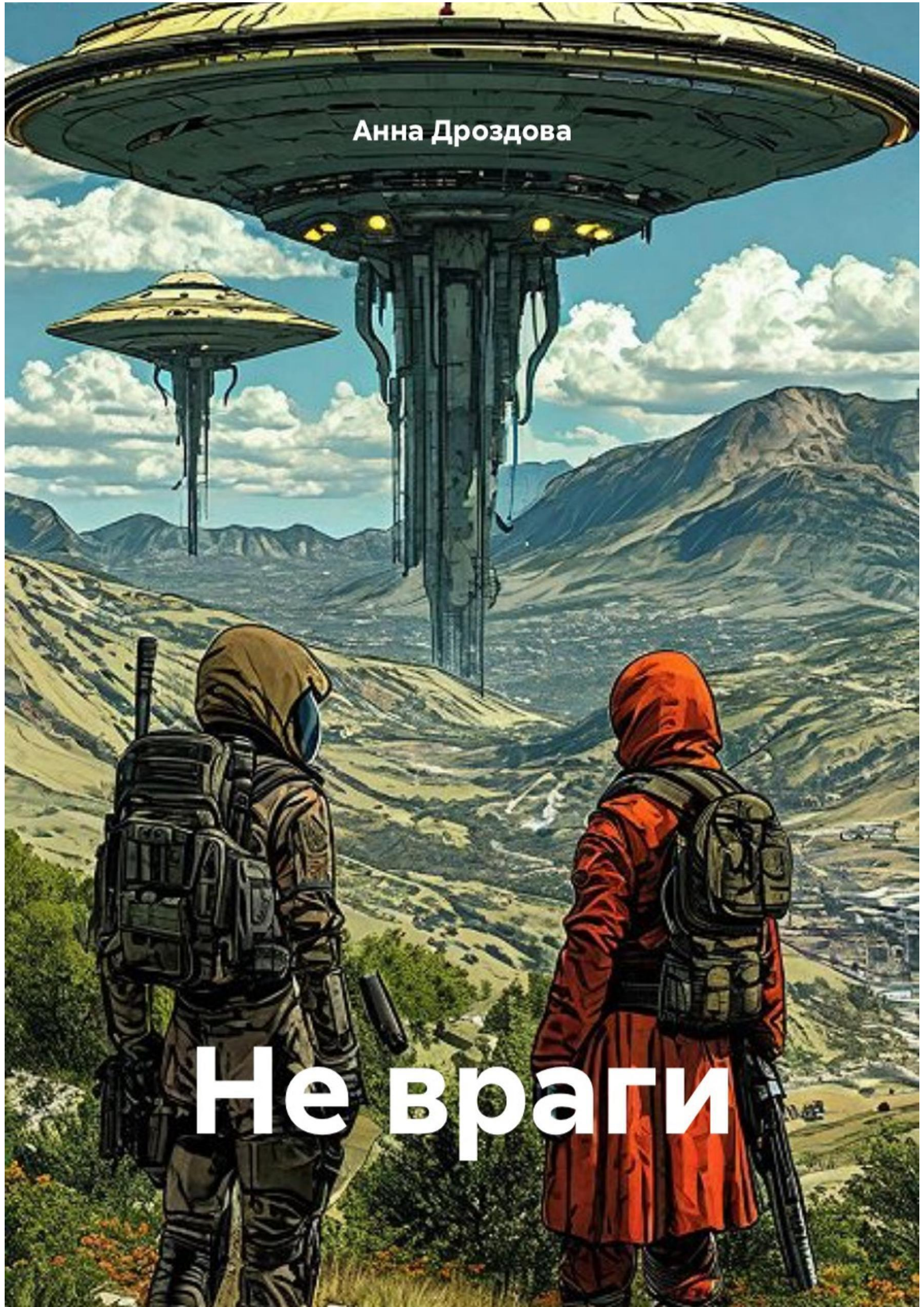

Анна Дроздова

Не враги

Анна Дроздова

Не враги

«Автор»

2026

Дроздова А. Г.

Не враги / А. Г. Дроздова — «Автор», 2026

Системе все равно из кого сделать жупел Сначала инопланетяне, потом Ковид , потом - соседи. Мигель и Китти с группой партизан снова против уравниловки , принуждения и страха!

© Дроздова А. Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Анна Дроздова

Не враги

Глава

Глава первая. Тень над Четырдагом

Воздух у подножия Четырдага был густым, будто налитым свинцом. Китти шла по тропе, привычно обходя знакомые выступы, и всё равно чувствовала, как этот день липнет к коже — не как жара, а как предчувствие. Она не любила это чувство: оно напоминало ей о тех временах, когда Мигеля забирали. Тогда тоже сначала становилось тихо. Слишком тихо. Она остановилась, чтобы поправить лямку рюкзака, и в ту же секунду небо будто надорвалось. Не гром, не молния — что-то другое. Звук был не из этого мира: короткий, сухой, как треск стекла под каблуком. Китти вскинула голову и успела увидеть, как по воздуху проносится тёмная тень, а следом за ней — тонкая, почти невидимая вуаль, похожая на дрожащую сетку. И тут же тень рухнула вниз, за край склона. Сердце ударилось о рёбра и замерло. Китти сорвалась с места, не думая, не выбирая дороги. Камни скользили под подошвами, ветки хлестали по рукам, но она бежала, потому что в голове билось только одно: «Только бы не человек. Только бы не человек». Но это был не человек. Он лежал среди обломков, словно сломанная кукла — только не из дерева и не из ткани. Его тело было вытянутым, непривычно хрупким, а лицо... Китти не могла назвать это лицом, и всё же в нём читалось что-то до боли знакомое: выражение, будто он до последней секунды пытался дотянуться до чего-то важного. Рядом валялся кусок обшивки, оплавленный по краям. Из него слабо сочился голубоватый свет, похожий на отсвет акварельных красок в сумерках. Китти опустилась на колени, протянула руку, но не посмела коснуться. — Эй... — прошептала она, хотя знала, что он её не услышит. — Пожалуйста, не уходи. И тут она вспомнила слова Мигеля, сказанные однажды ночью, когда он не мог уснуть: «Они умеют делать так, что ты перестаёшь верить, что имеешь право хотеть жить». Китти сжала кулаки. Она не даст этому существу исчезнуть, как исчезали вещи, которые система считала «лишними». Подхватив его осторожно, почти благоговейно, она понесла его вниз, к дому. Каждый шаг отдавался в висках. Ей казалось, что из-за каждого куста вот-вот выйдут люди в форме, что сейчас раздастся окрик, и её остановят, заберут и его, и её, и тогда она никогда не увидит Мигеля. Когда впереди показалась крыша их дома, Китти почти побежала. Она влетела внутрь, захлопнула дверь, задвинула засов и только тогда позволила себе выдохнуть. В доме пахло старым деревом и корицей — Мигель всегда держал на полке палочку корицы, говорил, что этот запах «не даёт страху пустить корни». Китти уложила инопланетянина в самой холодной комнате, где стоял старый морозильный шкаф. Она знала, что это звучит безумно, но ей нужно было сохранить его до того дня, когда появится шанс всё исправить. Пока она готовила место, шептала себе под нос, как заклинание: «Только бы успеть. Только бы никто не пришёл». А потом она прислонилась лбом к ледяной дверце шкафа и застыла. И в этот момент в дверь тихо стукнули. Не грохот, не выбивание, а именно тихий, осторожный стук, который в тишине звучал громче крика. Китти замерла. В голове мелькнуло: «Всё. Забрали. Сейчас уведут. И я больше не увижу Мигеля».

— Китти? Это я. Я вернулся.

Голос был хриплым, усталым, но самым родным на свете. Она распахнула дверь. На пороге стоял Мигель. Его куртка была в пыли, на щеке темнел свежий ссадин, а в глазах читалось то самое выражение, которое появлялось у него после встреч с системой: смесь злости и

горькой усталости. Они смотрели друг на друга несколько секунд, просто проверяя: «Ты здесь. Ты настоящий». Потом Китти потянула его внутрь, закрыла дверь на все замки и наконец-то смогла выдохнуть.

— Они почти забрали меня сегодня, — тихо сказал Мигель, стягивая куртку. — На блок-посту спрашивали, куда я хожу, с кем встречаюсь. Я сказал, что просто гуляю. Но они смотрели так, будто знают, что я лгу. Китти не стала ругать его за то, что он рисковал. Вместо этого она взяла его за руку, крепко, до побеления костяшек, и сказала:— Больше не ходи один. Пожалуйста. Если тебя заберут, я не справлюсь.

Мигель кивнул. Он не обещал, потому что они оба знали: иногда выбора просто нет. Потом он заметил, что в комнате слишком холодно, и увидел, что она сделала.— Ты его сохранила, — произнёс он скорее как утверждение, чем как вопрос.— Да, — ответила Китти. — Потому что если система умеет стирать, то мы должны уметь сохранять. Хоть что-то. Хоть кого-то. В этот момент артефакт, который Китти вытащила из обломков и положила на полку, едва заметно мерцал, будто отзываясь на их слова. Его свет лёг на стену тонким полупрозрачным бликом — как акварельный мазок, который вдруг оживает. Мигель подошёл к полке, взял артефакт в руки. Металл был тёплым, почти живым.— Это ключ, — тихо сказал он. — Я чувствую. Он реагирует на эти лучи. На ту самую сетку, которой они накрыли планету.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Китти.

— Я собирал данные, — ответил Мигель. — Партизаны нашли фрагменты отчётов. Эти лучи не просто сбивают корабли. Они угнетают биологические процессы. Там, где они самые сильные, нет ни птиц, ни насекомых. Даже трава растёт как-то неправильно. Он посмотрел на Китти, и в его взгляде мелькнуло то самое упрямство, которое когда-то сделало его «неудобным» для системы.— Если этот артефакт действительно связан с технологией пришельцев, мы можем использовать его, чтобы найти слабые места в сетке. Чтобы отключить хотя бы один излучатель. Китти покачала головой:— Ты хочешь снова рисковать?

— Я хочу, чтобы нас перестали бояться, — спокойно ответил он. — Хочу, чтобы никто больше не прошёл через то, что было со мной. Она подошла к нему и прижалась лбом к его плечу.— Тогда мы сделаем это вместе, — сказала она. — Или никак.

Глава вторая. Тихий дом и шум за стенами

Ночь легла на дом тяжело, будто накинула плотное одеяло, сквозь которое не пробиться ни звёздам, ни ветру. Китти не спала. Она сидела на кухне, обхватив ладонями чашку с остывшим чаем, и прислушивалась к каждому шороху. Дом, который всегда казался ей самым надёжным местом на свете, сегодня будто съёжился, стал меньше, а стены — тоньше. Мигель устроился на старом диване в соседней комнате. Он не спал тоже — Китти знала это по тому, как он время от времени переворачивался, и пружины отзывались тихим, усталым стоном. Она хотела пойти к нему, положить голову ему на плечо и просто дышать рядом, но боялась потревожить. Его усталость была не той, что смывается горячим душем. Это была усталость от того, что мир снова и снова пытался его сломать. На полке в холодной комнате мерцал артефакт. Китти заглядывала туда каждые полчаса, будто проверяя, не исчез ли он, не оказался ли всё это сном. Свет от него ложился на стену тонкими полосами, похожими на акварельные мазки — нежные, но упрямые, как будто сами по себе пытались что-то сказать. Утром Мигель вышел на кухню с тем самым выражением лица, которое Китти знала лучше любого слова: он уже принял решение, и спорить с ним было бесполезно.— Я должен встретиться с партизанами, — тихо сказал он, наливая воду в чайник. — У них есть карта излучателей. Если мы поймём, где самый слабый узел сетки, сможем попробовать его отключить. Китти сжала пальцы в кулаки под столом. Ей хотелось закричать: «Не ходи! Пусть кто-нибудь другой!» Но она знала, что для

Мигеля это не просто борьба с системой. Это был способ сказать: «Я всё ещё здесь. Меня не стёрли». — Тогда я иду с тобой, — спокойно ответила она.

Мигель замер, держа чайник в руке. Пар поднимался вверх, заволакивая его лицо на мгновение, будто пряча эмоции. — Это опасно. Ты же знаешь, что на блокпостах теперь проверяют всех. А если они узнают про артефакт... — Они не узнают, — твёрдо сказала Китти. — Мы будем осторожны. Но я не останусь здесь, сидя у окна и гадая, вернётся ли мой муж. Я не переживу этого. Мигель медленно поставил чайник на плиту. Подошёл к ней, сел напротив, взял её руки в свои. Его пальцы были тёплыми, немного шершавыми, и от этого простого тепла у Китти на секунду стало легче дышать. — Помнишь, как мы встретились? — вдруг спросил он, глядя ей прямо в глаза. — Ты тогда стояла у моря, и ветер трепал твои волосы, а ты смеялась, будто тебе вообще ничего не страшно. Я тогда подумал: вот человек, который не боится быть собой. И мне захотелось быть рядом с тобой, чтобы тоже не бояться. Китти улыбнулась, но в этой улыбке пряталась грусть. — А я думала, что ты самый смелый человек на свете. И только потом поняла, что смелость — это когда ты боишься, но всё равно делаешь. Он наклонился и коснулся лбом её лба, как они делали в те дни, когда нужно было просто напомнить друг другу: «Мы вместе». — Хорошо, — прошептал он. — Мы пойдём вместе. Но обещай: если станет слишком опасно, ты убежишь. Без оглядки. — Обещаю, — ответила Китти, зная, что не сдержит этого обещания. Потому что убежать и оставить его одного она не сможет. Встреча с партизанами была назначена на заброшенной станции неподалёку от подножия Четырдага. Место выбрали не случайно: старые туннели и склады давно поросли травой и мхом, и система почти не заглядывала сюда, считая это место пустым. Но для тех, кто не вписывался в шаблоны, такие уголки были самыми ценными. Когда Китти и Мигель подошли к условленному месту, их уже ждали. В полумраке станции мерцали слабые фонари, отбрасывая тени на стены. Среди партизан Китти узнала нескольких человек: хмурого мужчину по имени Борис, который раньше работал инженером на военной базе, и молодую девушку Лию, которая умела взламывать системы наблюдения.

— Наконец-то, — выдохнул Борис, когда Мигель подошёл ближе. — Мы думали, тебя уже забрали.

Мигель только коротко кивнул. — У нас есть кое что, — сказал он и кивнул Китти. Она достала из рюкзака артефакт, завернутый в плотную ткань. Когда она развернула его, комната будто стала тише. Даже партизаны, привыкшие к опасностям, замерли, глядя на странное свечение.

— Что это? — спросила Лия, осторожно протягивая руку, но не решаясь коснуться.

— Ключ, — ответил Мигель. — Он реагирует на частоты лучей, которыми система накрыла планету. Если мы сможем сопоставить его сигналы с картой излучателей, найдём слабое место. Борис нахмурился. — Ты понимаешь, что если они засекут нас рядом с излучателем, нас не просто арестуют? Это будет конец. Для всех.

— Я понимаю, — спокойно ответил Мигель. — Но если мы ничего не сделаем, система будет расти, пока не сожрёт всё живое. Пока не останется только тишина и страх. Лия посмотрела на Китти, будто ища в её лице ответ на какойто несказанный вопрос. — А зачем вам это? — тихо спросила она. — Почему вы не спрячетесь? У вас есть дом, есть место, где можно просто жить. Китти не сразу ответила. Она вспомнила инопланетянина в морозильном шкафу, его застывшее лицо, и слова, которые она шептала себе, пока несла его домой: «Я не дам тебя стереть». — Потому что система стирает не только людей, — наконец сказала она. — Она стирает надежду. И если мы позволим ей это делать, однажды она сотрёт и нас. Даже если мы будем прятаться. В комнате повисла тишина. Потом Борис медленно кивнул. — Ладно. У нас есть карта. Но работать будем по ночам. И каждый из нас должен быть готов к тому, что это может быть наш последний путь. Они просидели над картой до рассвета. Линии сетки, которой военные накрыли планету, выглядели как паутина, оплетающая горы и долины. Каждый

узел излучал невидимую угрозу, подавляя всё живое вокруг. Мигель водил пальцем по бумаге, отмечая места, где артефакт мог бы сработать. Китти смотрела на карту и думала о том, как странно: мир, который она знала с детства, теперь казался ей клеткой, нарисованной невидимыми чернилами. Когда первые лучи солнца коснулись окон станции, Лия подняла голову и посмотрела на них с какойто новой внимательностью. — Знаете, — тихо сказала она, — когда я была маленькой, я думала, что взрослые знают, как устроен мир. А теперь я понимаю: они просто привыкли к его уродству. А вы... вы пытаетесь его исправить. Мигель устало улыбнулся. — Мы не пытаемся исправить весь мир. Только свой кусочек. Китти взяла его за руку. Её пальцы дрожали, но хватка была крепкой. — И этого достаточно, — прошептала она. Они собрали вещи, спрятали карту и артефакт и вышли на улицу. Воздух был свежим, пах мокрой травой и морем. На мгновение Китти показалось, что всё будет хорошо. Что они справятся. Но когда они свернули на тропу, ведущую к дому, Китти вдруг остановилась. Впереди, там, где тропа уходила в лес, стояли двое в форме. Их силуэты были чёткими на фоне рассветного неба, и в этой чёткости было чтото пугающее. — Мигель, — тихо позвала она, сжимая его руку так сильно, что он поморщился. Он посмотрел туда, куда смотрела она, и его лицо стало каменным. — Не беги, — прошептал он. — Если побежим, они поймут, что нам есть что скрывать. Просто идём вперёд. Спокойно. И они пошли. Шаг за шагом, будто это была самая обычная прогулка, хотя сердце Китти билось где-то в горле, перекрывая дыхание. Когда до людей в форме оставалось всего несколько метров, один из них шагнул вперёд. — Документы, — коротко бросил он, не глядя им в глаза. Мигель потянулся к карману, но Китти вдруг почувствовала, как в рюкзаке едва заметно дрогнул артефакт. Его свет стал ярче, будто он тоже понимал, что сейчас решается всё.

Глава третья. Шаг мимо опасности

— Документы, — коротко бросил человек в форме, не глядя им в глаза. Его напарник чуть отступил в сторону, перекрывая возможный путь к лесу. Китти почувствовала, как под тканью рюкзака артефакт едва заметно дрогнул — будто маленький живой пульс, который вдруг стал слишком громким. Она сжала лямки так, что побелели костяшки, и заставила себя дышать ровно. «Просто обычная пара. Просто шли домой. Ничего особенного». Мигель медленно, нарочито медленно потянулся к внутреннему карману куртки. Он не делал резких движений, не поднимал взгляда выше груди патрульного — так, как его учили ещё в те времена, когда каждый взгляд мог быть расценён как вызов. — Сейчас, — спокойно сказал он, будто они встретились на прогулке и просто забыли пропуск. — Тут где-то... Патрульный чуть наклонил голову, будто пытался поймать в их лицах хоть намёк на вину. В этот момент артефакт внутри рюкзака вспыхнул — не ярко, не слепяще, а так, как вспыхивает акварельная краска, если на неё капнуть водой: мягко, но цвет вдруг становится глубже, заметнее. И тут случилось странное. Воздух между ними будто дрогнул. Китти увидела, как у патрульного на секунду поплыли очертания, как если бы над горячим асфальтом поднимается марево. Он моргнул, нахмурился, будто сам себе не поверил, и вдруг резко отвёл взгляд — не на них, а куда-то в сторону, туда, где среди травы шевельнулась тень. — Ты видел? — бросил он напарнику, указывая вбок. — Там что-то мелькнуло. Напарник тоже повернулся, прищурившись. — Может, птица... А может, помехи. Опять эти лучи сбивают зрение. Они оба сделали шаг в ту сторону, споря, что это было. А Мигель, не теряя ни секунды, тихо потянул Китти за собой — не бегом, не рывком, а тем самым спокойным, будничным шагом, каким ходят люди, которые ничего не нарушают. Тропа пошла вниз, между старых камней, и вскоре патруль остался позади, скрытый изгибом склона. Только тогда Китти позволила себе выдохнуть. Её руки тряслись, но она не отпускала лямки рюкзака — будто, если отпустит, артефакт исчезнет, и всё, что только что случилось, окажется просто удачей. — Что это было? — прошептала она, когда они отошли

достаточно далеко, чтобы голоса не долетели до патруля. Мигель остановился, прислонился спиной к тёплому камню и на секунду закрыл глаза. — Думаю, артефакт резонировал с лучами сетки, — тихо ответил он. — Создал микросбой. Иллюзию, которая отвлекла их. Он посмотрел на Китти, и в его взгляде мелькнуло то самое упрямство, которое когда-то сделало его «неудобным» для системы: не агрессия, а отказ быть стёртым. — Это не просто ключ, — сказал он. — Это инструмент. Он умеет прятать. Китти покачала головой, всё ещё пытаясь уложить в голове то, что произошло. — Значит, он может нас защищать? — Он может давать нам шанс, — поправил Мигель. — Но полагаться только на него нельзя. Если они поймут, что это не просто помехи, начнут искать причину. А причина — это мы. Она кивнула, понимая, что он прав. Но в груди всё равно разгоралось что-то новое — не только страх, но и крошечная искра надежды. — Тогда будем умнее, — сказала она. — И осторожнее. Когда они наконец добрались до дома, Китти первым делом проверила холодную комнату. Инопланетянин лежал там же, неподвижный, словно вырезанный из льда. Она на секунду приложила ладонь к стеклу дверцы, будто хотела почувствовать хоть какой-то отклик, хоть слабую вибрацию жизни. — Мы ещё не сдаёмся, — тихо сказала она, хотя знала, что он её не слышит. — Мы найдём способ. В соседней комнате Мигель раскладывал на столе карту и делал пометки карандашом. Линии сетки теперь казались Китти не просто линиями — они были шрамами на теле мира. — Завтра ночью мы пройдем по тропе у старого карьера, — сказал Мигель, не поднимая головы. — Там один из узлов сетки слабее. Если артефакт снова резонирует, мы сможем подойти ближе и снять точные параметры. Китти подошла и встала рядом, глядя на карту. — А если опять будут патрули? Мигель поднял голову и посмотрел на неё. В его глазах не было бравады, только спокойная решимость. — Тогда мы снова воспользуемся шансом. Но на этот раз будем готовы. Мы не будем надеяться на удачу. Мы будем управлять ею. Он протянул руку и коснулся её пальцев — лёгким, почти незаметным касанием, но от этого жеста у Китти вдруг стало теплее внутри, будто кто-то тихо зажёл маленький огонь прямо в груди. — Я не хочу, чтобы ты рисковал собой, — прошептала она. — Я не хочу, чтобы мир снова забрал у меня то, что мне дорого, — так же тихо ответил он. — А ты — самое дорогое. Поэтому я буду осторожен. Обещаю. Она улыбнулась, и эта улыбка была не от радости, а от того, что они всё ещё стояли рядом, всё ещё могли говорить друг с другом, всё ещё могли строить планы. Позже, когда дом окончательно погрузился в тишину, Китти сидела у окна и смотрела на тёмные очертания Четырдага. Горы казались ей стражами — строгими, молчаливыми, но будто бы чуть склонившими головы, чтобы не мешать тем, кто идёт своим путём. Артефакт на полке мерцал, как крошечная звезда, упрямая в доме. Китти подумала, что, может быть, именно так и выглядит надежда: не как громкий крик, а как тихий свет, который не даёт темноте стать окончательной. «Мы справимся», — сказала она себе. И в этот раз поверила в эти слова чуть сильнее.

Глава четвёртая. Тихий разговор у холода.

Дом наконец-то выдохнул. После напряжённой дороги, после патруля, после того, как мир будто пытался их схватить за плечи и встряхнуть, тишина здесь звучала почти подозрительно громко. Китти ходила по комнатам, трогала привычные вещи — чайник, край стола, старую деревянную шкатулку, — словно проверяя, что всё настоящее, что они действительно вернулись. Мигель ушёл в соседнюю комнату разбирать записи, отмечать на карте новые точки, где могли быть сбои. Он делал это с той самой сосредоточенностью, которая всегда появлялась у него, когда он пытался удержать хаос в рамках линий и цифр. Китти знала: так он прятал страх. Не от неё, а от самого себя — чтобы не дать ему разрастись. А она пошла туда, где холод был почти осязаемым. В холодную комнату. Инопланетянин лежал неподвижно, укрытый тонкой тканью, будто спящий, которого нельзя тревожить. Китти остановилась у шкафа, прислонилась лбом к прохладному металлу. Ей хотелось, чтобы он вдруг шевельнулся, морг-

нул, вздохнул. Но он не шевелился. И от этой неподвижности становилось особенно горько: он прилетел через звёзды, чтобы спасти её, а теперь лежал здесь, как вещь, которую нужно «сохранить». — Прости, — тихо сказала Китти, сама не зная, за что именно просит прощения: за то, что не смогла его уберечь, за то, что заморозила, за то, что мир оказался таким жестоким. — Я не знаю, как тебя зовут. Не знаю, где твой дом. Но я знаю одно: я не дам тебе просто исчезнуть. Она присела на низкий табурет рядом, сложила руки на коленях, как будто собиралась рассказать долгую историю. И начала. — У нас тут всё устроено странно. Система говорит, что знает, как правильно жить, кого слушать, кого бояться. И она очень хорошо умеет делать так, чтобы люди сами начинали верить, что им нельзя хотеть большего. Мигель... он с детства был для неё «неудобным». Не вписывался в шаблоны, задавал вопросы, которые никто не хотел слышать. Его забирали, держали в ПНД, пытались «выровнять». А он просто был собой. Китти улыбнулась, вспоминая, как впервые увидела Мигеля: он стоял у моря, ветер трепал его волосы, а он смотрел на горизонт так, будто знал, что там, за краем воды, есть что-то настоящее. — А я тогда подумала: вот человек, который не боится быть неправильным. И я захотела быть рядом. Чтобы и мне было не так страшно. Она помолчала, прислушиваясь к тишине. В доме пахло деревом, корицей и чуть-чуть — холодом из шкафа. — Знаешь, иногда мне кажется, что система боится не оружия и не бунтов. Она боится историй. Тех, где люди держатся друг за друга, где кто-то говорит: «Я тебя не оставлю». Вот поэтому они строят эти лучи, эти сетки — чтобы никто не мог ни долететь, ни докричаться, ни просто быть услышанным. А ты... ты прилетел, чтобы меня спасти. Значит, где-то есть место, где не бояться тянуться к тем, кто в беде. Артефакт на полке тихо мерцал, будто слушал её слова. Его свет ложился на стену тонкими акварельными полосами — то ли тень, то ли обещание. — Мигель сейчас там, чертит линии на карте, ищет слабые места в этой сетке. Он хочет, чтобы никто больше не прошёл через то, что было с ним. Чтобы никто не чувствовал себя сломанным только потому, что не такой, как все. И я... я хочу ему помочь. Но мне страшно. Мне кажется, что если мы сделаем шаг слишком громко, система нас заметит и просто сотрёт, как стирает птиц и насекомых рядом с излучателями. Китти наклонилась чуть ближе, будто инопланетянин мог ей ответить. — Если бы ты мог что-то мне подсказать... Хоть знак какой-нибудь. Что мы делаем правильно. Или хотя бы что ты слышишь меня. В этот момент артефакт на полке чуть ярче вспыхнул — не резко, не пугающе, а так, будто кто-то тихо кивнул в темноте. Китти замерла, а потом улыбнулась — на этот раз не сквозь грусть, а как будто ей дали крошечный, но настоящий повод верить. — Ладно, — прошептала она, поднимаясь. — Мы будем осторожны. Но мы не остановимся. Когда она вышла из комнаты, Мигель уже стоял в коридоре. Он не подслушивал, просто вышел налить воды, и увидел, как она выходит из холодной комнаты с таким лицом, будто только что вернулась с очень важного разговора. — Всё в порядке? — тихо спросил он, не подходя слишком близко, чтобы не спугнуть этот её новый, хрупкий покой. Китти кивнула и подошла к нему. Обняла крепко, уткнулась лбом ему в плечо. — Да, — ответила она. — Просто разговаривала. С ним. Рассказала ему про нас. Про то, почему мы не можем просто спрятаться. Мигель обнял её в ответ, прижал к себе, будто хотел забрать хоть часть её тревоги. — И что он сказал? — спросил он мягко, почти шёпотом. Китти чуть улыбнулась. — Ничего. Но артефакт вспыхнул. Как будто... как будто он понял. Мигель кивнул, будто это было самое естественное объяснение на свете. — Значит, он с нами, — спокойно сказал он. — Значит, мы не одни. Они постояли так ещё немного, слушая, как в доме тикают часы, как за окном шелестит ветер, как где-то далеко, почти неслышно, пульсирует свет артефакта. И в этом тихом переплетении звуков было что-то надёжное. Что-то, что помогало дышать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.